

ПЯТЬ ЛЕТ назад я написал довольно глупую статью, посвященную этому несчастному дому на Большой Садовой. И только один вопрос продолжает меня мучить по-прежнему: нужен ли будет этот дом, который превратится в нормальный культурный объект, лет через десять кому-нибудь, кроме моего поколения, которое будет приходить сюда и вспоминать молодость, перестройку и Бегемота?

Очарование дома терялось последовательно все эти годы. Когда поломался код и исчезла необходимость высчитывать комбинации или подавлять выходящих жителей подъезда. Когда сгорела крыша и уже нельзя было витийствовать над ночной Москвой. Когда со стен стали пропадать дурацкие умствования и появляться политические лозунги. Когда стало просто слишком много народу.

А ведь прелесть подъезда была именно в его эзотеричности. Ну и в запретной плодности, конечно. Булгаков — в опале. Жильцы скандалят. Полиция гоняет. Родители волнуются. А нынче что? Доска мемориальная — висит. Пять томов — стоят. Музей — открыт, хоть и в Киеве.

И поэтому, когда конкурсная комиссия Центрального округа выбрала наконец из четырех претендентов на этот дом победителя (выбору еще предстоит оформиться в решение правительства, но это

Элем Климов зашел *Москва, колхозники - 1992 - 25 апреля* Булгакову в тыл

Позавчера решила судьба «нехорошей» квартиры

уже формальности) — я не почувствовал ни особой радости, ни досады, а только подумал: и кому все это было нужно? Вся эта маета, нервы, публикации, скандалы...

Финальное заседание достойно завершило суету. Документы конкурсанты представляли без печатей, подписи — непонятного происхождения, а услышав о собственном проекте решения, комиссия сделала вид, что сильно удивлена. Короче, все доигрывали какие-то свои игры, в которых сам Воланд ногу сломит. Вроде все за Булгакова, в необходимости «чего-то такого» в подъезде никто не сомневается, но за всеми этими словами так осязаема погоня за дивидендами, что просто противно. Впрочем, некоторые выступавшие упирали на мистику, грозя, что, если «правильный» проект будет обижен, дом — как ему Мастером завещано — просто сгорит.

ОБИДНО, конечно, что дом не отдан Фонду Булгакова, самому симпатичному из претендентов. Ведь пока иные разрабатывают концепции, Наталья Геннадиевна Романова, зампред фонда, элементарно спасает квартиру. Ремонтирует, чистит, борется с пожарами и канализацией. Только благодаря ее неустанному рвению дом был отвоеван и у Военно-политической академии, и у азербайджанского торгпредства... Обидно, конечно, но понятно: у фонда пока лишь 300 тысяч, а все работы оценены им же в 200. Но — долларов.

Но зато приятно, что дом не попал к Институту развития Москвы, мифическому А/О, возглавляемому человеком с ужимками Портоса-Смирнитского и с габардиновой фамилией Москвин-Тарханов. Депутат от «ДемРоссии», он поначалу хотел скооперироваться с людьми, положившими на этот дом полжизни, но по-

том, поддерживаемый солидными фирмами, легко обошел всех на повороте и стал играть в свою игру, продолжая почему-то доказывать, что он — большой друг фонда и Мариэтты Омаровны Чудакковой лично. Мечтал институт о повальной аренде дома инофирмами плюс 50% площади в счет компенсации затрат. Ну победенных не судят, хотя у экспертов есть подозрения, что своих посягательств акционеры не оставят. По крайней мере фразу о порядке обжалования решения я слышал своими ушами.

Короче, наиболее дельным был признан проект Союза кинематографистов России. Отныне дом, в котором происходили столь удивительные превращения, официально становится домом волшебного фонаря. Союз решает проблему отселения последних жильцов, чинит, шпаклюет, что-то сдает в аренду, получает прибыль и т. д. и т. п. Оргсекретарь союза Б. Р. Гутлин ушел с улыбкой, пообещав Н. Г. Романовой искреннюю дружбу и всестороннее сотрудничество. Дай Бог.

Но больше всех рад, наверное, Элем Климов. Уж сколько лет он бьется над экранизацией «Мастера и Маргариты» — а роман не дается. Теперь словно сама судьба вручает режиссеру ключ...

Николай МАЛИНИН.